

СТАТЬИ / ARTICLES

КОНЦЕПТУАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ ФОРМУЛА КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «ЗАКОН СОВЕСТИ» (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТЕКСТА «ПАЦАНЫ»)

Д. И. Иванов

Сианьский университет иностранных языков, Китай
Ivan610@yandex.ru

Д. Л. Лакербай

Ивановский государственный университет, Россия
lakomotion@yandex.ru

В свете авторской теории когнитивно-прагматических программ (КПП) в статье рассматривается концептуально-смысловая формула кинотекста (фильма) «Пацаны». Кино-текст в нашем понимании – это синтетическая форма воплощения и передачи (трансляции) одной / нескольких КПП, играющих роль фундамента для сознания, самосознания и поведения персонажей.

Создатели фильма сталкивают два варианта КПП социализации личности подростка: дидактически-принудительный, основанный на внешнем копировании и воспроизведении («закон закона»), и гуманистический, основанный на конструктивности равноправия, любви, сопричастности, совести (внутренний «закон совести»). В первом конструктивное воздействие общества воспринимается объектом «принудительной социализации» как деструктивный акт подчинения. В результате воспитательный импульс усваивается внешне, на уровне «социальной маски», или перенаправляется обратно в форме искаженной агрессивной реакции.

Второй вариант – КПП «Закон совести» – концептуализирован как единственно возможный, согласно концепции авторов фильма, продуктивный способ конструктивной социализации личности. Он двусоставен («вернуть подростка самому себе»; «привести подростка к людям»). Основным инструментом здесь является совесть, блокирующая процесс симулятивной «социальной маскировки» и помогающая подростку осознать, что предлагаемые ему нормы, установки и модели поведения не должны приниматься автоматически.

Образная формулировка данной КПП – «нужно разбудить сердце» – имеет два субъектно-ролевых вектора реализации: «разбудить сердца родителей»; «разбудить сердце подростка, попавшего в круг отчуждения». Векторы взаимосвязаны, но при этом возможны два основных ракурса реализации: индивидуально-персоналогический (когда невозможно «разбудить сердца родителей»); комплексный. Подросток, попавший в

«круг отчуждения и десоциализации», не может адекватно оценивать ни себя и свои поступки, ни действия окружающих.

В свете неотменимой двусоставности концептуальной формулы КПП «Закон совести» формируется четкая структура необходимых воспитательных действий, включающих в себя отказ от силового давления, демонстрацию равенства и равнодушия, апелляцию к «голосу совести» (побуждение к ответственному самоанализу), разрыв или трансформацию искаженных социальных связей, ставку на формирование гражданской идентичности. Внешнее давление со стороны общества заменяется конструктивным внутренним напряжением (переживанием чувства долга и ответственности в себе). Подростку больше не нужно защищаться или прятаться, он может и должен быть самим собой, для чего необходимо следовать принципам своей пробужденной совести.

Ключевые слова: кинотекст, деструктивная / конструктивная социализация, когнитивно-прагматическая программа, «круг отчуждения», концептуально-смысловая формула, «закон совести»

**CONCEPTUAL-SEMANTIC FORMULA
OF THE COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAM
“LAW OF CONSCIENCE”
(BASED ON THE BOYS FILM CONSTRUCT)**

Dmitry I. Ivanov

Xi'an International Studies University, Xi'an, People's Republic of China
Ivan610@yandex.ru

Dmitry L. Lakerbai

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
lakomotion@yandex.ru

The article considers the conceptual-semantic formula of the Boys film construct through the authors' theory of cognitive-pragmatic programs (CPPs). In terms of this theory, the film construct is a specific synthetic (creolized) form of embodiment and transmission (translation) of one/several CPPs that have received the status of the foundation of subjective reality (i.e., that determine the consciousness, self-consciousness, and behavior of the characters of the film). The filmmakers confront two options for the CPP of socialization of a teenager's personality: didactical-compulsory, based on external copying and reproduction (“law of the law”), and humanistic, based on the constructiveness of equality, love, involvement, conscience (intrinsic “law of conscience”). In the first, the constructive impact of society is perceived by the object of “forced socialization” as a destructive act of subordination. As a result, the educational impulse is absorbed externally, at the level of a “social mask”, or is redirected back in the form

of a distorted aggressive reaction. The second option is conceptualized as the only possible productive way of a constructive socialization of the individual. The CPP "Law of Conscience" is a key semantic and structural component of the authors' concept and has a two-part structure ("to return the teenager to himself"; "to bring the teenager to the people"). This is the only possible productive way of an individual's constructive socialization. The main instrument here is conscience, which blocks the process of simulative "social disguise" and helps the teenager to realize that the norms, attitudes and behaviors offered to him should not be automatically adopted. The figura-tive formulation of this CPP – "one's heart needs to be woken up" – has two subject-role vectors of implementation ("to wake the hearts of parents"; "to wake the heart of a teenager trapped in a circle of alienation"). The vectors are interconnected, but, at the same time, two main perspectives of implementation are possible: a) individual-personological (when it is impossible to "wake the hearts of parents"); and b) the complex one. A teenager trapped within the "circle of alienation and desocialization" cannot adequately assess himself and his actions, or the actions of others. In the light of the irrevocable two-part conceptual formula of the CPP "Law of Con-science", a clear structure of necessary educational actions is being formed, including the rejection of "repressive pressure", the attitude towards the adolescent as an equal, indifference and involvement, the desire to awaken responsible introspection (conscience), to break or transform distorted relationships with sources of desocialization, to awaken civic identity. External pressure from society is replaced by constructive internal stress (feeling a sense of duty and responsibility in oneself). A teenager no longer needs to defend himself or hide, he can and should be himself, for which it is necessary to follow the principles of the basic moral quality of his person-ality (his conscience).

Keywords: film construct, destructive/constructive socialization, cognitive-pragmatic program, "circle of alienation", conceptual and semantic formula, "law of conscience"

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-9-29

Введение

Если отступить в сторону от сегодняшних стереотипов, подразумевающих разделение кинопродукции на массово-развлекательную и авторскую («артхаусную»), то не мешает вспомнить точное суждение: «...кинематограф <...> играет роль инструмента самопознания и самосовершенствования общества. Кино <...> поднимает важные социальные проблемы, разница лишь в методах их обнаружения. Так, социология использует свой выверенный научный инструментарий, а кинематограф – чутье и интуицию создателей фильма» [Мкртычева 2012, 113–114]. Отметим, однако, что немалое

количество известных кинолент, которые мы условимся называть кинотекстами в традиции семиотического подхода [Анисимова 1992; Слышкин, Ефремова 2004], содержат открыто и программно оформленные концепции, причем без всякого ущерба для художественной убедительности. Именно таков известный фильм Д. Асановой «Пацаны» (1983)¹, преобразивший значительный документальный материал, где в качестве актеров задействованы настоящие «трудные подростки», в остроконфликтную «социальную драму». «Зритель может наблюдать их лица, поведенческие манеры, характерные интонации, хотя и вписанные в рамки художественного сюжета, но максимально приближенные к реальной ситуации и достоверно ее передающие» [Русина 2019, 82].

Согласно М. И. Жабскому, как некая общественная ценность фильм имеет три основных измерения: художественно-эстетическую ценность; идеологическую ценность (измеряется вкладом в развитие общественного сознания); «социальную (в узком смысле) ценность <...> аспект его социальной полифункциональности, выраженный в зрительской интерпретации воздействия» [Жабский 2013, 28].

О социальной ценности картины «Пацаны» во всех этих измерениях говорят не только данные проката (25 миллионов зрителей за год). Как отмечено в более ранней работе М. И. Жабского, отечественная публика начала 1980-х годов осознанно ориентировалась на широкий спектр функций кинематографии [Жабский 1987], то есть умела считывать основной «месседж» кинотекста. Именно поэтому режиссер мог предложить публике фильм с очень серьезной и теоретически обоснованной концептуальной программой, направленной на выявление наиболее эффективных способов реализации конструктивной социализации / ресоциализации личности (подростка / взрослого).

Очевидно, что авторская концепция социализации личности, визуализированная в пространстве кинотекста «Пацаны», базируется на целом комплексе актуальных в контексте социологического / социокогнитивного дискурса теорий. Назовем некоторые из них:

а) теория внутренней противоречивости биологической и социальной природы личности Э. Дюркгейма, в рамках которой ядром социализации является мораль, понимаемая как система социально обусловленных правил и норм поведения [Дюркгейм 1996];

¹ «Пацаны» (1983, реж. Д. Асанова, «Ленфильм», СССР). Далее фрагменты кинотекста приводятся без повтора указаний на источник.

б) теория подражания С. Г. Тарда, реализованная в системе взаимоотношений субъектных модальностей «учитель–ученик» / «воспитатель–воспитанник» [Тард 2011];

в) психоаналитическая теория З. Фрейда, в рамках которой личность определяется как неразрывная, но противоречивая целостность трех начал («Оно», «Я», «Сверх-Я»), вырабатывающих специфическую систему «защитных механизмов» [Фрейд 2007], «обеспечивающих целостность и стабильность личности в процессе социализации» [Ковалева 2004, 141];

г) идеи Г. М. Андреевой, понимающей процесс социализации личности как целостную систему, включающую в себя три основных сферы – деятельность, общение, самосознание [Андреева 2009];

д) теория целостности и генетической взаимообусловленности всех осознаваемых / автоматизированных действий, производимых как ребёнком, так и взрослым [Кон 1989].

На наш взгляд, именно идея генетической взаимообусловленности субъектно-деятельностной системы «ребенок–взрослый» [Кон 1998], актуализированная в контексте проблемы социально-психологического становления личности, становится одной из базовых установок всей программы конструктивной социализации личности подростка-взрослого, воплощенной в пространстве кинотекста «Пацаны». Авторы фильма воспринимают феномен детства и юношества как «пройденный жизненный путь развития взрослого человека. Взрослый несет в себе наследие детства. Ребенок не может существовать без взрослого; его мысли, чувства, поведение тесно связаны с миром взрослых и производны от него» [Бабунова 2008, 147].

Итак, мы видим, что теоретический контекст, используемый авторами для создания концептуально-смыслового ядра кинотекста, который мы рассматриваем не только как полисемиотический, концептуально целостный феномен, но и как специфическую концептуально смысловую «форму комплексного воплощения отраслевых, профильных, имиджево-ролевых и национально-специфических когнитивно-прагматических программ (КПП)» [Иванов 2019а, 303], достаточно широк. Это позволяет создателям картины при моделировании программы кинотекста актуализировать и семиотически визуализировать сразу два взаимосвязанных ракурса становления личности: ракурс социализации и ракурс развития личности. На наш взгляд, этот путь является достаточно продуктивным, так как «подлинно научное рассмотрение вопроса о социализации ни в коей мере не снимает проблемы развития личности,

а напротив, предполагает, что личность понимается как становящийся активный социальный субъект» [Андреева 2009, 76].

Все это свидетельствует о том, что данный фильм является актуальным объектом как семиотического, так и социокогнитивного исследования. При этом одной из главных его характеристик становится принципиальная программность, имеющая ярко выраженную социологическую направленность.

Опираясь на программную природу фильма, при анализе «концептуальной формулы» кинотекста «Пацаны» мы будем использовать авторскую теорию когнитивно-прагматических программ, в рамках которой КПП – это «своеобразная концептуальная матрица, опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующихся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа» [Иванов, 2019б, 252]. Теория КПП позволяет системно представить развертывание внутренних установок личности / социальных групп в целенаправленную социальную деятельность, в том числе и на примере кинотекста [Иванов 2020].

Концептуальная формула кинотекста: общая характеристика

Основной конфликт кинотекста – это антитеза двух вариантов КПП социализации личности подростка. Первый можно назвать дидактически-принудительным, он основан на внешнем копировании и воспроизведении (говоря словами актера Валерия Приемыхова², исполнителя главной роли начальника спортивно-трудового

² «Ведущий программы “Час Пик” (Ведущий): Позволю себе вспомнить одно ваше высказывание. Сейчас не закон совести, а закон закона. Вот когда будет закон совести, тогда всё будет хорошо. Поясните вашу мысль. **В. Приемыхов:** Вы понимаете, человека можно научить быть добрым... Дети иногда путают понятия. Когда на съемках фильма “Пацаны”, мы спрашивали ребят: “Что такое добро?”. Многие отвечали примерно так: “Добро – это когда мальчик бабушке уступает место в трамвае”. **Ведущий:** Хорошая модель для маленького. Правильная модель. **В. Приемыхов:** Получается, что человека можно научить следовать определенным общепринятым правилам. И он будет делать всё, что должен. Он будет вежливо вам улыбаться, уступит вам место, в горе вам поможет деньгами... Однако обязательно будет какая-то внештатная ситуация в жизни, где эти этические навыки не будут работать. В это время должен вступать такой регулятор, как совесть <...> И как только он попадает внезапно в нестандартную для него ситуацию... Человека заклинивает. Совесть – это великий регулятор» (Час пик : программа с участием В. Приемыхова. 1997. URL. <https://www.youtube.com/watch?v=bRibwilrDb> (дата обращения: 28.12.2020)).

лагеря П. В. Антонова, это «закон закона» и связанные с ним «закон отчуждения» и «закон антизакона», то есть криминализация норм; в нашем изложении это КПП-2, КПП-3, КПП-4). Второй предстает как внутренний «закон совести», основанный на гуманизме, сочувствии, равноправии, сопричастности, любви (КПП-1).

В первом случае осуществляется директивно-назидательное воздействие, направленное на перевоспитание «трудного» подростка. Это воздействие воспринимается им как покушение на внешнюю и внутреннюю свободу, как деструктивный акт подчинения. Сам же «воспитатель», всецело полагающийся на нормы и механически насаждающий их, добивается от объекта социализации в лучшем случае «социальной маски», в худшем – агрессивной реакции (показательна сцена, когда второй воспитатель спортивно-трудового лагеря О. П. Куренной, пытаясь заставить работать своих воспитанников после задержания милицией одного из них, получает дерзкий ответ от командира отряда и бьет его, что в итоге заканчивается «бунтом» и избиением самого «воспитателя»). Это чрезвычайно негативный сценарий, поскольку утверждение своей внутренней свободы превращается не только в отрицание общества, но и в самоотрицание (себя как полноценного члена общества).

«Закон совести» (КПП-1) – единственно возможный, согласно концепции авторов фильма, *продуктивный* способ конструктивной социализации личности. Именно поэтому Д. Асанова, визуализируя данный вариант программы, стремится реализовать принцип ее предельной концептуализации. Смысл «закона совести» в том, что именно совесть является основным инструментом, помогающим подростку осознать: предлагаемые ему нормы, установки и модели поведения не должны приниматься автоматически. «Закон совести» и есть то, что должно позволить подростку вернуться к себе через внутреннее самопреодоление и самосовершенствование, не отрицая, а осознанно принимая Другого (общество). Траектория социализации здесь мыслится в единстве всех компонентов, от влияния внешней среды до системы диспозиций личности, включающей представления о ценностях, общую жизненную концепцию и пр. ([Ковалева 2004, 142–143]). Совесть является интегративным инструментом, синтезирующим в себе «бытийную» и «ментальную» подструктуры личности. Совесть – это ключевой компонент конструктивной социализации личности: «В качестве нравственного регулятора совесть возвышается над разного рода благоразумными или конъюнктурными самопредостережениями и выражает ответственность человека прежде всего перед самим собой» [Ильин 2017, 29].

Но как сделать подростка полноправным участником процесса социализации, как избавить его от страха и ощущения необходимости прятаться, как заменить «автоматические» недоверие, маскировку, агрессию переживанием чувства долга и ответственности? Ответом на это является весь сюжет фильма, мы же остановимся здесь на осмыслении исходной формулы «закона совести».

Журналист беседует с П. В. Антоновым, который является центральной субъектно-ролевой фигурой / ключевым субъектом-источником, транслирующим этот вариант КПП. Суть позиции воспитателя – отказ от силового давления: «**Антонов П. В.:** Я хочу их привести к самим себе, понимаешь... Вернуть людям... Надо уметь расшевелить их гражданское чувство... Разбудить сердце, понимаешь? <...> **Журналист:** Хорошо... А что ты будешь делать с такими, как Зайцев? **Антонов П. В.:** Зайцев подонок... Но, ты знаешь, его тоже надо будить...»

В максимально обобщенном виде формулу КПП-1 «Закон совести», в рамках которой актуализируется процесс конструктивной социализации, можно представить так: «*нужно разбудить сердце*». Здесь необходимо обратить внимание на один принципиальный момент. Согласно авторской концепции, данная формула имеет два субъектно-ролевых вектора реализации.

«*Нужно будить сердца родителей*». Первый вектор реализации – взрослые (родители), которые своим преступным бездействием / асоциальным поведением, безразличием создали «круг отчуждения» (КПП-3 «Закон отчуждения») и толкнули подростка в этот порочный, замкнутый круг одиночества, безверия, ненависти и преступления (КПП-4 «Закон антизакона»). Выразительна в этом плане сцена, в которой воспитанник П. В. Антонова В. Киреев узнает, что из-за аморального поведения его отца Маргарита (сестра Володи) совершает попытку суицида.

«*Нужно будить сердца подростков, попавших в “круг отчуждения”*». Второй вектор реализации – подростки, попавшие в зону деструктивно-манипулятивного воздействия КПП-3 и КПП-4 и получившие симулятивный когнитивно-ментальный статус «социальный сирота» («**Антонов П. В.:** Эти дети... Они никогда не знали, что такое родительская ласка или забота <...> Его не пускают в приличные дома, чтобы он не испортил хороших мальчиков... И поэтому единственное место, где он чувствует себя человеком – это подворотня...»).

Оба вектора реализации когнитивно-ментальной формулы КПП-1 «Закон совести» взаимообусловлены. В рамках авторской

концепции (взгляд на ментальное и социальное поведение подростков через анализ ментального и социального поведения взрослых) между этими векторами установлена жесткая причинно-следственная связь. Если не «разбудить сердца» взрослых (причина десоциализации), то «круг отчуждения» будет постоянно расширяться и пополняться новыми «социальными сиротами», жизни и сердца которых искалечены взрослыми (следствие). Подчеркнем, что оба вектора реализации в равной степени актуальны и значимы для создателей фильма. Это обеспечивает концептуально-смысловую целостность программы «Закон совести» и существенно повышает уровень ее функциональной активности.

Данная формула имеет в пространстве кинотекста два основных ракурса реализации: индивидуально-персоналогический и комплексный. В первом случае объектом ресоциализации становится только подросток, попавший в «круг отчуждения». Этот ракурс реализации формулы-программы подразумевает полное разрушение деструктивной причинно-следственной связи между подростком и источником десоциализации (родителями). Показательна сцена, в которой отец Вовы Киреева издевается над его сестрой (отрезает ей волосы), доводя ее до попытки суицида. В результате подросток не просто ненавидит своего отца, но жаждет отомстить ему за сестру, застрелить его. Вова берет в палатке Антонова ракетницу и, не сказав никому ни слова, отправляется в город, чтобы совершить задуманное. Очевидно, что в данном случае говорить о какой-либо возможности «разбудить сердце отца» не приходится. Неслучайно П. В. Антонов называет его «спившимся, озверевшим» человеком. Связь между отцом и сыном разорвана навсегда.

Второй ракурс реализации формулы-программы предусматривает не разрушение причинно-следственной связи, а ее кардинальную комплексную двустороннюю (*взрослый–подросток; подросток–взрослый*) когнитивно-ментальную перекодировку. Речь идет о смене статуса этой связи с деструктивного на конструктивный. В зону функциональной активности программы попадает как источник десоциализации (родители), так и сам подросток. Соответственно, здесь одновременно активизируется два вектора реализации ключевой формулы программы (*нужно будить сердце взрослого + нужно будить сердце подростка*).

Формула-программа «Закон совести» «нужно будить сердце» обладает сложной внутренней структурой. Она включает в себя два последовательно реализуемых и взаимообусловленных процесса: а) «нужно привести подростков к самим себе»; б) «нужно вернуть

подростков людям». Рассмотрим специфику каждой части более подробно.

**Специфика первой части формулы КПП «Закон совести»:
«нужно привести подростков к самим себе»**

Здесь источник социализации (тот, кто ведет подростка к себе) активизирует процесс индивидуальной когнитивно-ментальной перекодировки «сущностного Я» подростка. При этом он стремится гармонизировать его сознание, сформировать в нем ядро «самости» (самосознание) и закрепить в нем представление о том, что он (подросток) как личность уникален, неповторим, одарен и внутренне свободен [Богаченко 2015, 144].

Апеллируя к «самости» как к «символу целостности личности, которая достигается на стыке взаимодействий сознательного и бессознательного, как к цели человеческой жизни и двигателю самопознания и самосовершенствования» [Богаченко 2015, 141], источник социализации (П. В. Антонов) пытается скорректировать искаженное деструктивным воздействием «круга отчуждения» (само)восприятие и (само)оценку подростка. Другими словами, он пытается вернуть ему истинный образ самого себя. Именно поэтому П. В. Антонов каждый день перед общим ужином обращается к своим воспитанникам: «Друзья мои, пусть каждый из нас подумает о том, добром поступке, который он совершил сегодня. Или полезном поступке... Напряглись...», – давая понять, что путь возвращения к себе и к людям лежит не через исполнение «внешних» заданий (Антонов максимально сокращает дистанцию между собой и воспитанниками, устраняя страх и недоверие), а через активизацию самоанализа, который должен научить подростка самостоятельно объективно оценивать свои действия.

Значимость этого процесса обусловлена тем, что, попадая в «круг отчуждения», подросток теряет способность к адекватному (само)восприятию и (само)анализу. Он не способен провести конструктивную операцию внутреннего самоотождествления (достигнуть своей истинной «самости», гармонии внутреннего мира и внешней социокультурной среды). Он принимает себя не как себя, а как «Другого» в себе, который отрицается им же самим и не принимается внешним миром (обществом). Причем в роли «Другого» в данном случае выступает не сам субъект / социум, который, как ему кажется, его отрицает, а «круг отчуждения» (его разнообразные субъектно-ролевые проекции, деструктивные (асоциальные)

модели поведения и т.д.). Соответственно, псевдоконструктивная и псевдорезультативная операция «принятия себя» отождествляется с внутренним самоотрицанием. Подросток не может понять, что социум отрицает не его, а его деструктивный образ, отождествленный с «кругом отчуждения». В этот момент в сознании подростка формируется симулятивный образ «псевдосамости» (своеобразная ментальная форма реализации «круга отчуждения»), деструктивное воздействие которого «заставляет» подростка поверить в истинность симулятивной целостности, «гармоничности» своего «сущностного Я».

Принципиально, что в действительности этот образ подростку не принадлежит, а только приписывается ему «кругом отчуждения». Однако сам человек этого не осознает. Он воспринимает наличие «псевдосамости»-в-себе как своеобразный предельно автоматизированный импульс-катализатор когнитивно-ментальной «активности» своего сознания. В условиях блокировки самосознания подросток «теряет способность к настоящей внутренней активности, а также к способности к самоотжеству, что приводит к синдрому отчуждения» [Богаченко 2015, 142]. При этом (само)отчуждение / (само)отрицание постоянно нарастает и постепенно приобретает тотальный характер. Это закономерно приводит к тому, что подросток переходит из «круга отчуждения» в зону деструктивной активности КПП-4 «Закон антизакона» и встает на путь преступления. Однако даже этот «переход» (симуляция социокогнитивного роста личности) продолжает восприниматься подростком как высшая форма внутреннего единства с самим собой. В результате негативного воздействия «круга отчуждения» в сознании подростка формируется система деструктивных изменений. Выявление и нейтрализация этих симулятивных изменений определяет целевую направленность первой части КПП-1 «Закон совести» («*нужно привести подростков к самим себе*»).

**Специфика второй части формулы КПП «Закон совести:
«*нужно вернуть подростков людям*»**

В рамках этой части формулы КПП-1 «Закон совести» источник социализации стремится активировать в сознании подростка механизм формирования социальной идентичности. С социологической точки зрения «идентичность представляет собой категорию, посредством которой приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности, роли и мораль представителей тех социальных групп,

к которым принадлежит данный индивид» [Гальчук 2017, 46]. Для этого подросток переводит свое «сущностное Я» в интерсубъективный режим функционирования, что позволяет приобщить и адаптировать объект социализации к условиям социокультурной среды на семиотико-знаковом (символическом) уровне [Богаченко 2015, 144].

Процесс символического взаимодействия с социумом (социокультурной средой) позволяет подростку найти (обрести) свою «самость», но уже не внутри себя, а в системе отношений «Я (субъект) – Другой (образ субъекта-социума-в-себе)». В результате в сознании объекта социализации формируется убеждение о том, что его личная идентичность может осуществиться в полном объеме только через процесс взаимодействия с «Другим» (социумом): «Личная идентичность всегда является не только знанием о собственной самотождественности (я есть я), но и знанием о том, что объединяет или отделяет меня (мое я) от других. Иными словами, ответить на вопрос “кто я?” невозможно без того, чтобы не ответить прежде на вопрос “кто мы?”» [Гальчук 2017, 48].

Ставя перед собой этот вопрос, подросток подсознательно трансформирует (обогащает) свою личную идентичность, наполняя ее новым когнитивно-ментальным содержанием. Личное в данном контексте начинает восприниматься как неотъемлемая часть социального. При этом взаимодействие личного и социального осуществляется по принципам: взаимоотражения; взаимодополнения; взаимокорректировки. Так активизируется процесс формирования социальной идентичности подростка. Его цель – «отождествление индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды» [Гальчук 2017, 46].

Для источника социализации ключевое значение приобретает не сам факт активизации этого процесса, а специфика его реализации, точнее то, как подросток воспринимает и «переживает» формирование своей социальной идентичности в себе. Т.В. Шамовская, ссылаясь на исследования Дж. Мид, отмечает: «Социальная идентичность может быть принята как данность, механически и остаться неосознанной, а может подвергнуться рефлексии, быть соотнесенной с личностными характеристиками и стать структурным элементом личности» [Шамовская, 2010, 135]. Подчеркнем, что для обеспечения конструктивно-результативной реализации второй части формулы КПП-1 «Закон совести» («вернуть подростка людям») источник социализации сознательно отказывается от первого (рефлекторно-автоматизированного) способа формирования социальной идентичности. По мнению создателей фильма,

этот способ является деструктивным, так как «приятие социальной идентичности как данности» возможно только в двух случаях: когда она формируется в атмосфере морально-психологического давления на подростка, в условиях жесткого контроля со стороны источника социализации; когда когнитивно-ментальная (оценочно-аналитическая) активность «сущностного я» подростка полностью нейтрализована деструктивным воздействием со стороны «круга отчуждения», поэтому он автоматически (неосознанно) принимает то, что ему «предлагают» (навязывают).

Д. Асанова стремится сделать приобретенную социальную идентичность «структурным элементом личности» подростка. Для этого он не просто должен стать ее обладателем (носителем) – он должен провести ее ментально-рефлексивную персонификацию. Это позволит ему в полной мере реализовать конструктивный потенциал ключевой функции социальной идентичности и научиться «воздействовать и оценивать других членов социальной группы (социума) для своей самореализации и своего самовыражения» [Гальчук 2017, 46].

Однако подросток в деструктивном «круге отчуждения» не может адекватно (конструктивно) произвести ни одну из названных выше операций. Знание о том, что его объединяет с «Другим» / отделяет от «Другого», крайне нестабильно. В этих условиях доминирующей операцией становится позиция внутреннего тотального отрицания. Он не может найти внутри своего «сущностного Я», отождествленного с «псевдосамостью» (тотальным самоотчуждением, самоотрицанием), ни одного конструктивного компонента, объединяющего его с социокультурной средой. Он ощущает себя «социальным изгоем», место которого – «подворотня».

Именно поэтому каждая попытка ответить на вопрос «кто мы?» превращается в бессмысленную и симулятивную операцию самоотрицания. «Мы» для подростка – это не общество, которое, как ему кажется, отрицает его, а то, что должно быть от него отчуждено (изолировано) и уничтожено. Другими словами, «мы» (для подростка, попавшего в «круг отчуждения») – это асоциальная часть общества; «мы» – это «социальные изгои», разрушающие гармонию социокультурной среды. Именно как изгоев, которых необходимо «изолировать», и воспринимает «бунтарей» О. П. Куренной, тем самым укрепляя эту деструктивную модель: **«Куренной О. П.:** Паш, я все слышал... Молодец... Эти пять человек портят все... Паша, наконец-то ты все понял! <...> Их надо, к черту, отправить в зону <...> Я займусь ими, Паша, сейчас... **Антонов П. В.:** Стой! **Куренной О. П.:** Это надо делать сейчас... Поздно будет...»

В сложившихся условиях проведение конструктивной операции ментально-рефлексивной персонификации социальной идентичности существенно затруднено. Это обусловлено тем, что, находясь в зоне деструктивного воздействия «круга отчуждения», подросток не способен к проявлению «системной рефлексии» [Леонтьев, Осин 2014], основанной на принципе конструктивного внутреннего самодистанцирования. Отсутствие «системной рефлексии», точнее ее замена «дурным рефлексивным состоянием» – «квазирефлексией», приводит к следующему: во-первых, подросток не может «избирательно относиться к самому себе как к авторскому проекту, заботиться о себе и работать над собой» [Леонтьев, Осин 2014, 115–117]; во-вторых, он не способен занять определенную (объективную, адекватную) позицию по отношению к самому себе (своей социальной идентичности) / «Другому» (к определенной социальной группе / источнику этой идентичности); в-третьих, внутренняя «диспозиционность» не позволяет ему осуществить действия, направленные не только на самого себя (на персонификацию своей социальной идентичности), но и на других членов социальной группы. В данном случае речь идет о симуляции процессов самореализации и самовыражения подростка.

Для создателей картины «вернуть подростка людям» означает сформировать в нем гражданскую идентичность, [Безгина, 2013, 243]. Её формирование в сознании подростка в рамках кинотекста неразрывно связано с процессами гармонизации его «сущностного Я» / (формированием личной идентичности) и социализации (формированием социальной идентичности). При этом создатели картины убеждены в том, что «вернуть подростка людям» можно только в том случае, если он станет «полноправным гражданином» своей страны (то есть удастся «расшевелить гражданское чувство»). Понимание сущности термина «гражданин», на которое опираются авторы фильма, во многом совпадает с качественными характеристиками человека-гражданина в формулировке В. Т. Лисовского: «...мера усвоения личностью общечеловеческих, нравственно-гуманистических, национальных и других ценностей <...> преданность и глубина понимания подлинных обязанностей перед обществом и государством, способность к социально ответственному гражданскому поведению и деятельности» (цит. по: [Джаббаров 2011, 276]).

На наш взгляд, ключевой сценой кинотекста, в которой определяются доминантные (для авторов фильма) установки гражданского поведения / гражданской идентичности подростка, является фрагмент, в котором начальник лагеря П. В. Антонов собирает во-

круг себя всех своих воспитанников после того, как они устроили в лагере погром.

Здесь нужно обратить внимание на специфический способ репрезентации ключевых установок гражданского самосознания, актуализированных в пространстве картины. Д. Асанова утверждает их, указывая на их полное отсутствие в сознании воспитанников Антонова. Этот прием позволяет режиссеру не только обозначить доминантные качества человека-гражданина, которые еще только должны быть сформированы в сознании подростка, но и определить целевую направленность этой зоны реализации КПП-1 «Закон совести».

Исходя из содержания сцены «после погрома», «вернуть подростка людям» («расшевелить их гражданское чувство»), для авторов картины значит:

1) научить подростка уважать себя и других людей («Продались за бутылку водки!.. За пачку сигарет!..»);

2) научить подростка пресекать в «себе» / «другом» любые формы асоциального (преступного поведения) («Машину кирпича толкнули!..»);

3) научить подростков отвечать за свои поступки как перед собой, так и перед обществом («Нашли себе теплое местечко...»);

4) научить подростка ценить и уважать свой собственный труд и труд других людей («Хлеб топтать! А вы знаете, что такое хлеб?.. <...> Вы его сеяли?! Вы цену ему знаете?!»);

5) произвести внутреннюю социокогнитивную оценку статуса подростка («Трудные... Дармоеды!.. Животные...»);

6) научить подростка жить и работать на пользу общества и страны («Какую пользу вы можете принести стране?! Какую?!»).

Создание условий для личностного становления

В кинотексте Д. Асановой «любить» значит понимать, чувствовать, сопереживать, поддерживать, направлять. «Любить» значит создавать максимально комфортные условия для когнитивно-ментального роста личности подростка. Речь идет не о физическом, а о психоэмоциональном комфорте.

Воспитанники спортивно-трудового лагеря, которым руководит Антонов, занимаются тяжелым физическим трудом. Они ломают амбар, скирдуют сено, пропалывают свеклу, разгружают вагоны с химикатами и т.д. Ключевой установкой является следующий принцип: «Что заработаем, то едим». Труд – один из инструмен-

тов социализации личности, но не основной ее источник. Именно поэтому, когда перед руководителем лагеря встает вопрос – отпустить или не отпустить одного из воспитанников (Сашу Белоусова) на несколько дней в город к матери, которая освободилась из мест заключения и хочет встретиться с сыном, Антонов сам настаивает на том, чтобы эта встреча состоялась.

Сцена 1: «**Антонов П. В.:** Мать приехала. Знаешь? **Белоусов Саша:** Знаю... **Антонов П. В.:** Не хочешь ее увидеть? **Саша:** Не хочу... **Антонов П. В.:** Собирайся, поедешь в город! **Саша:** Не поеду... **Антонов П. В.:** Надо, Саша! **Саша:** А работать? **Антонов П. В.:** Ну ладно насчет работы. Как-нибудь обойдемся!»

Сцена 2: «**Антонов П. В.:** Саша, мать ждет... Не соскучился? (*Саша молчит*) **Антонов П. В.:** Думаешь, завтра приедет? (*Саша молчит, утвердительно кивает головой*)».

Руководитель лагеря прекрасно осознает: возможность наладить отношения с матерью – это исключительная возможность для подростка. Если она будет успешно реализована, то Саша не просто сможет преодолеть «круг отчуждения» (КПП-3 «Закон отчуждения»), но и активировать процесс конструктивной социализации «в себе».

Повторная актуализация данной темы (сцена 2) очень важна. Саша обижен на мать. Он прямо говорит о том, что не хочет ее видеть. Однако, несмотря на это, очевидно, что он любит и ждет ее. На второй вопрос («Думаешь, завтра приедет?») он отвечает молчанием, но утвердительно кивает головой. Обида не дает ему проявить свои истинные чувства. Ему страшно, что он снова может быть отвергнут, поэтому он стремится защитить себя, создавая иллюзию полного безразличия.

Антонов чувствует внутреннее напряжение подростка и старается предельно корректно подвести его к правильному решению, которое тот должен принять сам. Первой фразой: «Саша, мать ждет...» – Антонов пытается показать, что мать так же, как и сам Саша, хочет этой встречи. Когнитивный код «ждет» в данном контексте ассоциативно соотносится с такими понятиями, как «скучает», «переживает», «любит», «просит прощения». Антонов стремится вернуть Саше веру в материнскую любовь. Задавая подростку первый вопрос («Не соскучился?»), Антонов не ждет честного прямого ответа. Здесь важен не формальный автоматический ответ, а то, какие чувства вызовет этот вопрос.

В данном случае он выполняет функцию резонирующего инструмента, активизирующего в сознании подростка особое кон-

структивное напряжение. Внешняя реакция Саши на этот вопрос вполне ожидаема. Он отрицательно качает головой, – однако в то же самое время начинает осознавать, как сильно он скучает по матери. Внутреннее напряжение, появление которого спровоцировал вопрос-резонатор, приводит к переосмыслению. Вопрос «не соскучился ли Саша по матери?» приобретает для него новую форму: «не соскучилась ли мать по нему?». И опять здесь важен не ответ. Переадресация вопроса является самостоятельным конструктивным когнитивно-ментальным действием подростка, доказывающим, что его внутренняя связь с матерью не прервана и может быть восстановлена.

Далее Антонов задает второй вопрос: «Думаешь, завтра придет?» Этот вопрос условно можно назвать «контрольным». Он так же, как и первый, обладает резонирующей функцией. Важно, что, отвечая на него, Саша продолжает молчать, – это знак блокировки автоматической рефлекторной отрицательной реакции и знак внутренней работы сознания подростка.

После долгого молчания Саша утвердительно качает головой: несмотря ни на что, он ждет мать и готов на конструктивный диалог с ней. Доказательством этого является разговор с бабушкой, которая приехала к Саше в лагерь в день посещения: «**Саша:** А что мама не приехала? **Бабушка Саши Белоусова:** Да пьет она опять... Ты же знаешь...». Мы видим, что мать к Саше так и не приехала. Однако в рамках этого варианта программы (КПП-1 «Закон совести») принципиальное значение приобретает не фактический результат – безразличие и пьянство матери (КПП-3 «Закон отчуждения»), а то, что Саша, несмотря ни на что, продолжает любить ее.

Вербальная фиксация когнитивно-ментальной формулы КПП-1 «Закон совести» производится в одной из ключевых сцен фильма. Журналист беседует с начальником лагеря (см. ранее цитированную сцену о необходимости «будить» даже таких, как «подонок» Зайцев). Именно так, пытаясь «разбудить сердце», П. Антонов стремится удержать и закрепить чувство любви к матери в сознании Саши Белоусова.

Труд же в лагере превращается в некий аналог спортивного соревнования, в котором каждый отряд хочет оказаться первым (победить). По результатам рабочего дня каждому отряду начисляется определенное количество очков. Так руководители лагеря стимулируют внутренний интерес подростков к труду и формируют в них чувство товарищества, равно как честности и ответственности. Д. Асанова понимает, что «трудотерапия» только тогда эффектив-

на, когда объект социализации чувствует себя внутренне свободным. При этом внутренняя агрессия и страх потери своей внутренней свободы нейтрализуются. Эти состояния обретают новый конструктивный когнитивно-ментальный статус и становятся частью органического, естественного процесса внутреннего самопреодоления.

Заключение

Образная формулировка КПП-1 «Закон совести» – «нужно разбудить сердце» – имеет два субъектно-ролевых вектора реализации («разбудить сердца родителей»; «разбудить сердце подростка, попавшего в круг отчуждения»). Векторы взаимосвязаны, но при этом возможно два основных ракурса реализации: индивидуально-персонологический (когда невозможно «разбудить сердца родителей») и комплексный. Десоциализированный и отчужденный подросток не способен к адекватной оценке своих и чужих поступков, поэтому первостепенной задачей является научить его уважению (к себе и другим) и ответственности за свои поступки. В свете неотъемлемой двусоставности концептуальной формулы данной КПП («вернуть подростка самому себе»; «привести подростка к людям») формируется система целевых установок КПП, становящихся действиями: отказ от силового давления, демонстрация равенства и равнодушия, апелляция к «голосу совести» (побуждение к ответственному самоанализу), разрыв или трансформация искаженных социальных связей, ставка на формирование гражданской идентичности.

Процесс целеполагания является одним из ключевых механизмов трансформации субъекта / программы (в лице ее носителя), и мы можем назвать три целевых катализатора действия, соответствующих ракурсам концептуально-смысловой формулы КПП «Закон совести» («разбудить сердце подростка» = «привести его к самому себе» + «вернуть его людям»). Каждый из этих катализаторов – «разбудить»; «привести»; «вернуть» – «отвечает» за реализацию трех основных процессов, определяющих целевой вектор реализации КПП «Закон совести». Данные векторы: изменение базовых когнитивно-ментальных подсистем сознания «деструктивного» (в силу воздействия «негативных» КПП) подростка; формирование в сознании такого подростка конструктивной идентичности – личной, социальной и гражданской; по возможности полная блокировка воздействия на подростка деструктивно-манипулятивных программ, позволяющая закрепить воспитательный эффект.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева 2009 – *Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2009.
- Анисимова 1992 – *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизо-ванных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–79.
- Бабунова 2008 – *Бабунова Е. С.* Личность как социально-психологический феномен в контексте культуры детства // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 13. С. 147–155.
- Безгина 2013 – *Безгина Н. В.* Психологическая структура гражданской идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 241–249.
- Богаченко 2015 – *Богаченко В. В.* «Самость» как атрибут целостности субъекта социального действия и ее социокультурные уровни формирования // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2015. № 5 (178). С. 140–145.
- Гальчук 2017 – *Гальчук Д. С.* Понятие «идентичность личности» // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 5. С. 44–51.
- Джаббаров 2011 – *Джаббаров В. Х.* Генезис научных представлений о понятии «Гражданин» // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2-2. С. 272–277.
- Дюркгейм 1996 – *Дюркгейм Э.* Социология образования. М.: ИНТОР, 1996.
- Жабский 1987 – *Жабский М. И.* Кино и массы : (проблемы социокультурного взаимодействия). М.: Знание, 1987.
- Жабский 2013 – *Жабский М. И.* Механизмы социальной организации кинопроцесса // Кино и коллективная идентичность / под общ. ред. М. И. Жабского. М.: ВГИК, 2013. С. 12–47.
- Иванов 2019а – *Иванов Д. И.* Моделирование кинотекста: система статусно-ролевых политических маркеров // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 298–319.
- Иванов 2019б – *Иванов Д. И.* Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский университет международных исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2019.
- Иванов 2020 – *Иванов Д. И.* «Долг» советского человека: опыт реконструкции понятия (на материале кинотекста) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 105–114.
- Ильин 2017 – *Ильин Е. П.* Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2017.

- Ковалева 2004 – Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 139–147.
- Кон 1989 – Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
- Кон 1998 – Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Просвещение, 1998.
- Леонтьев, Осин 2014 – Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «Хорошая» и «Дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 110–135.
- Мкртычева 2012 – Мкртычева М. С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 113–118.
- Русина 2019 – Русина Ю. А. История советского кино. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019.
- Слышкин, Евремова 2004 – Слышкин Г. Г., Евремова М. А. Кино-текст : (опыт лингво-культурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
- Тард 2011 – Тард Г. Законы подражания. М.: Академический проект, 2011.
- Фрейд 2007 – Фрейд З. Психология бессознательного. М.: АСТ-Хранитель, 2007.
- Шамовская 2010 – Шамовская Т. В. Условия и механизмы формирования и развития социальной идентичности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3. С. 133–138.

REFERENCES

- Andreeva, G. M. (2009). *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Aspekt Press.
- Anisimova, E. E. (1992). Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) [Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts)]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, 71–79.
- Babunova, E. S. (2008). Lichnost' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen v kontekste kul'tury detstva [A person as a socio-psychological phenomenon in the context of childhood culture]. *Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, 13, 147–155.
- Bezgina, N. V. (2013). Psikhologicheskaya struktura grazhdanskoy identichnosti [Psychological structure of civil identity]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki – Proceedings of the Tula State University. Humanities*, 3-1, 241–249.

- Bogachenko, V. V. (2015). "Samost'" kak atribut tselostnosti sub"ekta sotsial'nogo deystviya i ee sotsiokul'turnye urovni formirovaniya ["Self" as an attribute of the integrity of the subject of social action and its socio-cultural levels of formation]. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya – Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy*, 5(178), 140–145.
- Durkheim, E. (1996). *Education and Sociology*. INTOR.
- Dzhabbarov, V. Kh. (2011). Genesis of scientific ideas about the concept of "Citizen". *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2–2, 272–277. (In Russian).
- Freud, S. (2007). *Psychology of the unconscious*. AST-Khranitel'.
- Gal'chuk, D. S. (2017). Ponyatie "Identichnost' lichnosti" [The concept of "Identity of the individual"]. *Vestnik BGU – Bulletin of the Buryat State University*, 5, 44–51.
- Il'in, E. P. (2017). *Psikhologiya sovesti: vina, styd, raskayanie* [Psychology of conscience: guilt, shame, remorse]. Piter.
- Ivanov, D. I. (2019a). Modeling of screen text: the system status and role of political markers. *Kritika i semiotika – Criticism and Semiotics*, 1, 298–319. (In Russian).
- Ivanov, D. I. (2019b). *Teoriya kognitivno-pragmaticheskikh programm* [Theory of cognitive-pragmatic programs]. PresSto.
- Ivanov, D. I. (2020). "The Duty" of the Soviet man: the experience of reconstruction of the concept (on the material of kinotext). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2, 105–114. (In Russian).
- Kon, I. S. (1989). *Psikhologiya ranney yunosti* [Psychology of early youth]. Prosveshchenie.
- Kon, I. S. (1998). *Rebenok i obshchestvo* [The child and society]. Prosveshchenie.
- Kovaleva, A. I. (2004). *Socialization. Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 1, 139–147. (In Russian).
- Leont'ev, D. A., & Osin, E. N. (2014). Reflection "Good" and "Bad": from an explanatory model to differential diagnosis. *Psikhologiya. Zhurnal VshE – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 4, 110–135. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 14.02.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 29.11.2022